

Исчезает ли субъект? ¹

Субъект и коллективная деятельность

Известны эпатажные высказывания нашего известного философа и методолога Г.П.Щедровицкого относительно человека. «...так где существует человек? Является ли он автономной целостностью или он только частица внутри массы, движущаяся по законам этой массы? Это одна форма вопроса. Другая — творчество. Принадлежит ли оно индивиду или оно принадлежит функциональному месту в человеческой организации и структуре? Я на этот вопрос отвечаю очень жёстко: конечно, не индивиду, а функциональному месту». ² «...что есть человек? Для меня первый грубый ответ таков: это есть, наряду с машинами, знаками, лишь часть материала, на котором паразитирует мышление». ³ «...главное мошенничество — это идея человека с его психикой, а второе мошенничество — это идея субъекта, оппозиция «субъект-объект». ⁴ Изучая мышление, следует работать в схеме бес-субъектности. Нужно искоренять свою субъективность. «Или — если пользоваться чеховскими словами о том, что раба надо из себя выдавливать — надо эту субъективность из себя выдавливать. Когда выдавите, можете быть учёным, методологом, учеником. Человеком быть не можете». ⁵

Всё это звучит странно и нарочито провокационно. Между тем, это совершенно логичный вывод из принятого Георгием Петровичем понимания мышления и деятельности. Если первоначально (на стадии разработки содержательно-генетической логики) Г.П.Щедровицкий понимал мышление как деятельность индивида, совершающего определённые действия, операции

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 11-03-00142а «Проблема социальности субъекта и конструктивный реализм».

² Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. С. 577.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 570.

⁵ Там же. С. 574—575.

и мыслительные процедуры, то затем, когда он приступил к построению Общей теории деятельности, последняя стала пониматься иначе: как принципиально бессубъектный процесс, носителем которого не может быть отдельный индивид. Последний захватывается коллективной деятельностью, к ней приобщается, в ней участвует и становится человеком лишь вследствие того, что занимает в этой деятельности определённое функциональное место. Так же может быть понято и мышление: как своего рода самостоятельная субстанция, саморазвивающаяся по собственным внутренним законам. Отдельный индивид может приобщиться к этому объективному процессу и в меру этой приобщённости начать мыслить. Нужно сказать, что такое понимание деятельности и мышления при всей его кажущейся парадоксальности имеет серьёзные основания. Подобные представления развивали многие выдающиеся мыслители, начиная по крайней мере с Гегеля. Я вполне разделяю антипсихологический пафос Георгия Петровича. Мне кажется, что развитие философии и наук о человеке в 20 веке в самом деле убедительно показало, что именно с антипсихологических позиций можно понять и развитие познания, и коллективную деятельность, и самого человека с его психикой и сознанием. В наше время сходного понимания мышления (как объективного процесса в «третьем мире») придерживался К.Поппер, а в отечественной литературе Э.В.Ильенков.

Другое дело, что с этим пониманием деятельности и мышления нужно согласовать признание особой и ничем не заменимой роли индивидуальной личности, субъекта, человека, без которых коллективная деятельность и объективный процесс мышления невозможны. Но решение этой проблемы предполагает учёт двух важных обстоятельств. Во-первых, того, что описание деятельности как коллективного процесса (имеющего свою структуру или даже множество структур и соответствующие им функциональные места) и как совокупности индивидуальных действий, акций, поступков относятся к двум уровням одной действительности. Точно так же, как стул не сводится к процессам, совершающимся на атомно-молекулярном уровне, а существует реально — как нечто, относящееся к другому уровню реальности,

индивид и его действия существуют реально и не могут быть редуцированы к коллективной деятельности. Во-вторых, того, что эта деятельность не только предполагает наличие включённых в неё индивидов, отвечающих за свои действия (это условие существования коллективной деятельности), но и на определённом этапе развития делает необходимым возникновение субъекта, субъективности, сознания, «Я», иными словами того, что мы ныне считаем человеком как автономной целостной системой.

Г.П.Щедровицкий не мог согласовать понимание исключительной важности проблемы субъективности с своей теорией деятельности. Говорить об анти-гуманистической и анти-антропологической направленности его концепции я всё же не стал бы (хотя такие обвинения по его адресу высказываются нередко). Дело в том, что в последних выступлениях Георгия Петровича содержатся не только эпатажные рассуждения о том, что «человек — это враньё», но и слова другого рода. Так, например, он признал, что, хотя схема «субъект-объект» не годится при исследовании мышления и при занятиях методологией, без неё нельзя обойтись при анализе процессов коммуникации и организационно-деятельностных игр¹, что во всех этих случаях необходим и важен процесс «субъективизации», что деятельностный подход предполагает невозможность для человека снятия с себя ответственности, что «...эта сторона, субъективный подход и волевое решение, необходима в каждом деле и есть, наверное, самое главное, что требуется от каждого человека.»² И, наконец, даже рассуждение, неожиданное для Г.П.Щедровицкого: «Вы никуда не уйдёте от развития организационных структур, и выход состоит только в том, что человек победит в этом соревновании с организационными структурами. Единственный способ выскочить из западни — это сделать индивида более сильным, чем эти структуры. Должна наступить эпоха соревнования структур и индивида, И я стою на стороне индивида, поскольку я считаю, что он обманет эти структуры и победит».³

¹ Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. С. 577.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 18.

Я повторяю, что, на мой взгляд, он не смог согласовать в рамках своей концепции эти два типа своих высказываний о человеке. Но главное не в этом, а в том, что сегодня вопрос о человеке как об автономном образовании и о его судьбе в современной цивилизации — это не только вопрос теоретический, а прежде всего сугубо практический. Я думаю, что Г.П.Щедровицкий не мог предвидеть этого нового поворота обсуждений старого вопроса. Его концепция методологии и проективно-конструктивной деятельности не может дать в данном случае ответ. Дело в том, что современная острота вопроса о человеке в значительной степени связана с стихийным развитием именно той проективно-конструктивной деятельности, разработке методологии которой посвятил себя Георгий Петрович.

Современные технологии и судьба человека

Развитие современных социальных технологий (а это прежде всего т.н. «конвергирующие технологии» нано-, био-, информационные и когнитивные, развитие которых стало возможным в рамках современной технонауки) взрывают привычный жизненный мир и ставят под вопрос существование человека в том виде, который до сих пор считался единственно возможным.

Существует два способа использования таких технологий.

Наиболее соблазнительным кажется понимание социальных технологий по образцу технологий воздействия на природные процессы. Человек в этом случае — объект приложения технологических приспособлений. Если большие социально-технологические проекты времён тоталитаризма отошли в прошлое, то более локальное использование подобных методов воздействия процветает и множится.

Современные информационные технологии, колоссально опосредуя отношения между получателем информации и её источником, в огромной степени увеличивают возможности для манипулятивного воздействия на сознание. Когда человек имеет дело с той информацией, которая относится к его отношениям с близким окружением, он всегда может её перепроверить. К книжному тексту тоже можно отнести критически: отложить

книгу, вернуться к прочитанному тексту ещё раз, переосмыслить его в свете собственного опыта. Телевидение воздействует иначе: произносимые с экрана слова исчезают прежде, чем зритель успевает рационально оценить значение информации, а сопровождающее их изображение обладает суггестивным воздействием, притупляющим способность к критическому размышлению. Между тем, телевидение, получившее массовое распространение, во многом фабрикует образ реальности у своих потребителей: путём навязывания определённой интерпретации событий и даже показывая те события, которых в действительности не было.

Человек, включённый в современную систему массовых коммуникаций, оказывается очень податливым к всякого рода пропагандистским воздействиям. Это используется в современном пиаре и т.н. политтехнологиях. Главная цель профессионалов пиара — не развитие рациональных способностей человека и его способностей к самостоятельному, свободному принятию решения, а напротив, притупление его критической рефлексии. Такого рода воздействия могут преподноситься как «забота о человеке», как освобождение его от груза размышлений и необходимости принятия решения. В действительности это превращение человека в запрограммированного робота, в куклу, управляемую извне.

Но современные информационно-коммуникативные технологии представляют и другую возможность. Они могут быть использованы для развития творческих способностей человека, для расширения пространства его свободы, его социальных и межличностных связей. Технологии — это средство. Такие человеческие ценности, определяющие его жизненный мир, как свобода, взаимопонимание, любовь, забота и др. не есть технологии. Именно эти ценности и есть то, для осуществления и поддержания чего технологии могут и должны употребляться. Такого рода их использование представляется наиболее перспективным как с точки зрения человека, так и в интересах социального целого.

Но даже если речь идёт о субъектно-ориентированных социальных технологиях, всё равно возникает ряд принципиальных проблем, которых в недавнем прошлом не существовало.

Дело в том, что технологии и соответствующие им техники не являются ценностно-нейтральными, по крайней мере, если речь идёт о сложных технологиях. Конечно, если я, например, имею дело с таким простым приспособлением, как лопата, то ясно, что её можно использовать для разных целей: и для копания ям, и для нанесения ударов по голове (вспомним применение сапёрных лопаток во время массовых демонстраций в недавнем прошлом). Сама по себе лопата ценностно-нейтральна, т.е. может быть использована как во благо, так и во зло. Но вот если мы имеем дело со сложными технологиями и соответствующими им техниками, то тут дело обстоит иначе. Вот, например, политические технологии, технологии пиара.

Какие бы цели не ставили перед собою те, кто ими пользуется (возможно, имеется в виду достижение блага общества и каждого отдельного индивида, хотя в такие цели трудно поверить в случаях современного использования подобных технологий), ясно, что подобные технологии в любом случае предполагают внушение, пропаганду, «промывку мозгов» и т.д., т.е. обращение с человеком как с средством для достижения таких целей, которые сам он не ставит.

Современные технологии, в частности, социальные по сути взрывают жизненный мир человека. При этом речь идёт о таких его инвариантах, которые лежат в основе человеческого существования в отличие от культурно и исторически обусловленных его форм.

Для иллюстрации этого тезиса я начну с рассмотрения Интернета. Это колоссальное технологическое и социальное достижение, означающее выход на новые горизонты человеческой жизни и новое пространство свободы. Это снятие культурного изоляционизма, новые способы создания межличностных связей, возникновение сетевых сообществ. Если исторически существующие сообщества предполагают культурную традицию (т.е. особое отношение к времени) и органическое развитие, привязаны к определённому пространству, то сетевые сообщества возникают спонтанно и существуют в некотором смысле вне времени и пространства. Принадлежность к историческому сообществу не зависит от индивида. Отношение к сетевому сообществу определяется самим человеком.

В Интернете можно создать себе новую личность с новой биографией и именем и вступить в коммуникацию (в чатах) с другими подобными. Ряд ограничений реальной жизни в этом случае снимается. Возникает «расширенная реальность» и «виртуальная личность». Появляются новые возможности для творческого самовыражения: создание и размещение в Интернете самых разнообразных текстов, начиная от претендующих на художественную литературу и кончая попытками решения научных и философских проблем, политических размышлений и комментариями о текущих событиях социальной, политической и культурной жизни. Если при публикации текстов на бумажных носителях в большинстве случаев существуют ограничения (цензурные, а также стереотипы, существующие в каждой сфере профессиональной деятельности), то в случае Интернета все такие ограничения снимаются. Человек как бы получает возможность для безграничного свободного творческого парения. Стирается грань между автором и читателем. «Авторствовать» в Интернете может каждый.

Это имеет важные политические следствия. Кажется, что авторитарные и диктаторские режимы несовместимы с Интернетом, ибо последний неподконтролен обычным средствам ограничения свободы слова. С помощью Интернета можно почти мгновенно создать сетевое сообщество (в том числе и на политической основе), вывести сторонников тех или иных идей на улицу. В недавнем прошлом это было невозможно. Последние события в Северной Африке, приведшие к падению авторитарных режимов, продемонстрировали политические возможности Интернета и новых социальных технологий.

В этой связи возникает идея «электронной демократии». Дело в том, что каждая из существующих форм демократии имеет свои изъяны. Прямая демократия (т.е. непосредственное участие народа в управлении государством) очевидно невозможна в современных сложных обществах. Принятая сегодня повсеместно представительная демократия чревата опасностью того, что избранные депутаты отрываются от своих избирателей и начинают преследовать собственные цели. Кажется, что обсуждение политических программ в Интернете и электронное голосование мо-

гут позволить перейти к прямой демократии, сопровождаемой критической дискуссией (демократии участия).

Однако в действительности дела обстоят не так просто. На самом деле Интернет в том виде, в каком он существует сегодня, это не только новые огромные возможности, но и новые большие опасности.

Начну с того, что любой поступок в обычном, не виртуальном мире предполагает не только свободу, но и ответственность. Это необходимое условие реальной социальной жизни (Кант сказал бы: «трансцендентальное условие возможности»). В Интернете можно свободно высказываться обо всём, не неся за это ответственности, и нередко прикрываясь вымышленным именем. В реальной жизни любой вид деятельности, начиная от строительства дома и кончая научными исследованиями и созданием произведений художественной литературы и искусства, предполагает определённые эталоны и нормы, без которых он невозможен. Эти эталоны одновременно являются фильтрами (если угодно цензурой), не пропускающими в данную систему деятельности то, что ей не соответствует, то, что может её разрушить, и одновременно позволяющие оценить качество сделанного и выделить образцы (авторитеты). В Интернете все эти ограничения сняты. Авторитетов нет. Все равны, каждый может быть автором независимо от его таланта и профессиональности, может высказываться о чём угодно и говорить всё, что придёт в голову. Реально это означает полную депрофессионализацию. Недаром сегодня в Интернете — засилье ущемлённых, озлобленных, не признанных в своей профессиональной среде людей. Как сказал один из наших деятелей культуры, то, что раньше писалось на заборах, сегодня вывешивается в Интернете. Если каждый является автором, то это конец художественной литературы (такая теория сегодня выдвигается). Но это не только конец литературы. Это было бы и концом науки (если бы научное сообщество всерьёз относилось к интернетовским публикациям). Это может быть и концом культуры в целом, так как последняя предполагает эталоны, образцы и иерархию — именно то, что отрицает современный Интернет.

Не так просто обстоят дела и с «электронной демократией». С помощью Интернета и социальных сетей можно вывести людей

на улицу. Но для того, чтобы предложить осмысленную программу выхода из социального и политического кризиса, нужны усилия экспертов, специалистов. В интернетовских чатах такие программы не вырабатываются. Вообще, как показывает жизнь, современное общество знания с его сложными технологиями, в том числе социальными, предполагает растущую роль экспертов, без работы которых сегодня невозможно никакое серьёзное социальное, экономическое, политическое решение. Поэтому, как считает ряд теоретиков, современные социальные технологии предполагают не «электронную демократию», а скорее «экспертократию». Но в таком случае возникают другие проблемы. Как показывает опыт, эксперты могут исходить из интересов не основной части народа, а довольно узкой группы людей, к тому же они имеют свои собственные интересы.

Иными словами, Интернет и связанные с ним информационно-коммуникационные социальные технологии — это вызов традиционным представлениям о культуре, о человеке и социальной жизни. Он порождает проблемы, которых раньше не было и которые нужно решать. Где искать это решение?

Ответ на этот вопрос предполагает серьёзное обсуждение. У меня нет готового решения. Я думаю, тем не менее, что будущее Интернета связано с тем, что наряду с сетевыми де-иерархизированными сообществами он будет поддерживать и сообщества профессиональные с определенными эталонами и образцами деятельности. Последние не могут рассматриваться как неизменные, они должны быть динамичны и гибки. Но в каждый момент времени они должны существовать и маркировать профессиональную деятельность.

Я думаю, что будут выработаны условия признания интернетовской публикации в качестве научной или литературной. Конечно, избавиться от хлама и мусора в Интернете невозможно (создание этого мусора может играть даже полезную психотерапевтическую роль). Что же касается человеконенавистнических, патологических и криминальных текстов, от них нужно найти способ избавления. Иными словами, Интернет нуждается в регулировании. Тогда он сможет превратиться из угрозы культуры в средство её творческого развития, в способ реализации человеческой свободы.

Другая проблема, порождённая современными технологиями, это возрастание степени риска для жизни. Общество риска — это не нечто отдельное от общества знания, а лишь обратная сторона той самой медали, на лицевой стороне которой помещены слова об обществе знания. На основе современного научного знания вырабатываются такие технологии, которые глубоко трансформируют сложившийся природный и социальный порядок. А это всегда чревато непредвиденными последствиями. При разработке новых технологий ведётся специальная работа по минимизации рисков. Но полностью предотвратить их оказываются невозможным. И пусть их вероятность считается незначительной. В тех случаях, когда эти риски реализуются, их последствия оказываются огромными. Это показали, в частности, события на о. Фукусима в Японии. Когда проектировались атомные электростанции на этом острове, вероятность землетрясения свыше 7 баллов, считалась маловероятной. Но это маловероятное событие тем не менее произошло и создало угрозу для всей социальной жизни страны.

Работа по минимизации рисков будет продолжаться. Но их количество и степень опасности в обществе современных технологий вряд ли уменьшатся.

А это предъявляет определённые требования к человеку. С одной стороны, возникает необходимость принятия быстрых решений в непредвиденных ситуациях, т.е. необходимость увеличения пространства свободы. С другой стороны, возникает также и необходимость большего контроля за индивидом со стороны общества — особенно в условиях техногенных и террористических угроз. Это можно будет делать уже в ближайшем будущем с помощью единых электронных карт, в которых фиксируются передвижения человека, посещение им магазинов, его покупки и т.д. Можно снабдить человека таким устройством, которое будет постоянно сигнализировать в некоторую службу о его местонахождении и о происходящих с ним событиях. Это позволит контролировать его перемещения и давать рекомендации относительно его передвижений, а в случае возникновения опасных ситуаций вмешиваться в его жизнь. Это, конечно, способ контроля за человеком и ограничение его свободы. Но мож-

но предполагать, что большинство людей охотно примет такое ограничение в условиях повышенного риска. Можно предположить, что в интересах безопасности человеческой жизни контроль над человеком может пойти ещё дальше, поскольку современные технологии позволяют это. Между прочим, это дело не отдалённого будущего, а то, к чему мы подходим уже сегодня.

Но где же в таком случае грань между необходимым ограничением свободы в сверхсложном технологическом обществе и возможностью манипуляции человеком в интересах определённых социальных групп? Вообще в современном обществе граница между «моим» и «не-моим», между приватным и публичным пространством, принципиально важная для европейской культуры в течение многих столетий, всё более размывается. И это порождает проблемы, связанные с пониманием человека, его свободы, его возможностей.

Развитие биотехнологий рождает новые вызовы. В ближайшем будущем можно будет быстро и недорого создавать индивидуальную генетическую карту человека, на основе которой можно судить не только о биологических особенностях индивида, о его болезнях, но и о его предрасположенности к тем или иным заболеваниям. Можно представить, как подобные карты могут быть использованы современными работодателями, какие возможности для контроля над человеком они открывают.

Ещё дальше идут современные эксперименты, связанные с прямым вмешательством в тело человека, в его мозг и психику. Это не только воздействие на человеческий геном («редактирование» или переделка генной карты). Это прямое вмешательство в мозг, в сенсорную систему. Последствия этого могут быть чудовищными.

Субъект и свобода

Для понимания как современного смысла проблемы человека, так и возможных путей её решения, нужно учесть одну особенность современной цивилизации. Она характеризуется не только быстротечностью процессов, эфемерностью многих социальных и культурных структур, но также и (как следствие этого) частым

возникновением нештатных, неординарных ситуаций, повышением степени риска. Выход из этих ситуаций, в которых нередко оказывается отдельный человек, требует от него принятия собственного и при этом творческого, нестандартного решения. Это значит, что колоссально усиливаются требования к отдельному индивиду, который уже не может спрятаться за анонимным решением безликого коллектива, а должен действовать на свой страх и риск. Как следствие этого — повышение роли индивида в социальной жизни, рост индивидуализации и повышение личной ответственности. Свободное действие индивида — а без свободы невозможна ответственность — это основа коллективной деятельности, порождающей социальные институты и культуру. А свобода и ответственность и есть те узлы, которые завязывают единство сознания и само «Я». Ведь именно «Я» есть инстанция принятия свободных решений.

Свобода — вот одна из главных проблем философии во все времена, особенно сегодня. Лишь при наличии свободы и единства сознания возможна ответственность за поступки, которая немыслима в том случае, если сознание распадается на несвязанные друг с другом фрагменты, если прошлое не связывается с настоящим и будущим. «Я», как и вся сфера субъективной реальности, в том числе и человеческая свобода, это, действительно, социально-культурная конструкция, если угодно, изобретение, а не природный факт, нечто искусственное. «Я» однако не становится от этого чем-то нереальным. Ибо и общественные институты, и культуры — это объективная реальность, хотя и иного рода, чем реальность природная. Субъективность — это тоже реальность, хотя и специфическая.

Конечно, современная цивилизация создаёт перед человеком множество проблем, которых до недавних пор не существовало. Действительно, идентичность человека нередко оказывается сегодня под вопросом, переживает кризис. Верно и то, что возник кризис многих коллективных идентичностей. Сегодня человек включён во множество информационных потоков, должен играть много разных социальных ролей. Индивидуальная идентичность начинает быть более сложным образованием, чем она была раньше, чем-то вроде единства в многообразии, а иногда

и чем-то вроде поли-идентичности. Но это значит только то, что задача по интеграции разного рода деятельности в единство «Я» может быть сегодня в ряде случаев непростой, но это задача, которую индивид каким-то образом должен решить. Иногда он её не решает, но если такого рода случаи становятся массовыми, то распадается не только «Я», но и сама ткань социальности. Думать, что культура и общество могут пережить смерть человека как индивидуального «Я», нелепо. Между тем, нет никаких оснований думать, что человечество стремится к самоубийству. Поэтому задача спасения человека, помощи человеку в сохранении своей личности, телесности, а вместе с ним и спасения культуры — вполне практическая. Одно из важных средств в решении этой задачи — сохранение ряда традиционных ценностей культуры, если угодно осторожный консерватизм, который должен уравновесить безудержную проективно-конструктивную установку современной цивилизации. Это одна из задач современной философии. Исторически философия всегда выступала как самокритика культуры, как важное средство её трансформации. Эта роль за философией сохраняется. Но сегодня не менее важно защищать и поддерживать традиционные ценности свободы, рациональности, личности и индивидуальной телесности. Без такой поддержки, без их сознательного культивирования разными средствами культуры (включая систему образования, разные социальные институты, систему ограничений на экспериментирование с человеческой телесностью, осторожное отслеживание этих экспериментов, выявление границ такого рода вмешательства и т.д.), эти ценности вряд ли смогут воспроизводиться, а значит, под угрозой будет и существование человека. Работа в этом направлении, предполагающая изучение реальных социальных, культурных и психических процессов, соотнесение современных культурных сдвигов с традициями европейской культуры — одна из важнейших проблем, с которыми столкнулось сегодня человечество.

Кстати сказать, распространяемое постмодернистами представление о «Я» оказывается в ряде отношений поверхностным. В действительности, как можно показать, «Я», будучи единым, в то же время многослойно. Ряд психологов и философов выде-

ляют «рефлектирующее» и «рефлектируемое» «Я», М.М.Бахтин говорил о «Я для себя» и «Я для другого», Ж.-П.Сартр писал о «бытии-для-себя» как центре сознания и «Я» как социальной конструкции. Если даже «социальное Я» переживает кризис и теряет идентичность, это не обязательно значит, что «рефлектирующее Я» тоже теряет свою идентичность. Обычно этого не происходит. Более того. Именно «рефлектирующее Я» («собственное Я», как называет его английский философ и психолог Р.Харре) находит выход из кризиса идентичности «социального Я» и строит новое «Я» с помощью имеющихся культурных и социальных ресурсов в процессе взаимодействия с другими людьми. Даже циник, меняющий социальные маски и роли и ни к одной из них не относящийся всерьёз, сохраняет образ своего «подлинного Я», которое как бы со стороны и с усмешкой смотрит на сменяемые личины «социального Я». Так что полного исчезновения «Я», субъекта, о чём пишут постмодернисты, обычно всё же не происходит. Другое дело, что рекомендуемая некоторыми из них цинически ироническая позиция не может стать линией поведения ни в качестве всеобщего образца, ни даже в как способ жизни отдельного индивида. В критических ситуациях, когда от сделанного выбора зависят жизнь и смерть (а таких ситуаций в современном обществе риска становится всё больше), иронически-игровой стиль поведения оказывается невозможным. Правда, «собственное Я», «подлинное Я», которое управляет разными социальными ролями, рефлектирует по поводу «социального Я» и может его изменить, тоже не что иное, как социально-культурный феномен. Но это феномен такого рода, без которого невозможна современная социальность. Это не значит, что это «Я» неуязвимо. Оно может быть разрушено, как и всё в человеке, ибо человек — хрупкое существо. Но разрушение этого «собственного Я», как и дезинтеграция «социального Я» означало бы гибель современного общества.

Что касается жизни в виртуальной реальности как нового, «пост человеческого» способа жизни, то нужно иметь в виду, что те реальности, в которых живёт человек (а их, действительно, несколько) неравнозначны и не могут вытеснить друг друга. Есть исходная и основная реальность жизненного мира: повседнев-

ное окружение (включая мир физических предметов, других людей, событий и т.д.) и повседневные межчеловеческие контакты. Есть специальные и производные от этой основной реальности: в частности, идеальная реальность (та, которую К.Поппер называет «третьим миром»), субъективная реальность, виртуальная реальность. Нормальная человеческая жизнь возможна лишь при определённых взаимоотношениях этих реальностей, при условии их гармонического взаимодействия. Уже изобретение письменности, а затем появление книги создали возможность ухода из мира повседневности в мир идеальный. Люди, предпочитающие жизнь в идеальном мире (чтение и сочинение книг, занятия философией, наукой и др.) обычной жизни, всегда были и есть. Однако такого рода «искусственная» жизнь никогда не могла быть самодостаточной и самодовлеющей, будучи зависима от обычной, повседневной жизни: как в отношении к отдельным индивидам, так и тем более применительно к социальной жизни в целом. Поэтому нужно полагать, что «уход в виртуальный мир», подмена реального «Я» виртуальным не осуществится, если человек будет озабочен сохранением своей социальности и культуры. Но проблемы тут, несомненно, есть, их нужно изучать и думать о способах их разрешения.

Я заканчиваю свои размышления выражением надежды на то, что человек не погибнет. Он меняется, и неизбежно вынужден меняться. Он сегодня сталкивается с новыми, исключительно острыми проблемами, с новыми вызовами самому своему существованию. Эти проблемы нужно изучать (а это возможно сегодня только при взаимодействии разных подходов), их нужно решать. О них нужно говорить, нужно обращать на них внимание общественности. Ибо это не просто специальная тема академических исследований, а вопрос о судьбах нашей культуры.

* * *

Иногда говорят о том, что смысл философской деятельности заключается в творческом конструировании новых миров и новых соответствующих им типов гоминоидов (по-видимому, в число последних включается и т.н. «пост-человек.»). Я думаю,

что в действительности философия играла другую роль в истории культуры. Философия всегда пыталась создавать такие концептуальные модели взаимоотношения человека и мира, которые помогали бы построить мосты между жизненным миром человека (включая окружающий мир и мир субъективности) и миром, создаваемым теоретической мыслью — научной и философской (микромир, мегамир, мир математических объектов, мир идей и т.д.). Философия всегда была средством «обживания» тех необычных, противоречащих здравому смыслу миров, которые создавала творческая мысль, способом гармонизации постоянно менявшихся отношений между человеком и космосом. В век «конвергирующих» технологий, взрывающих привычный жизненный мир, философия как незаменимый способ сохранения человека остается жизненно насущной.